

18+

Вадим Кирпичев

Зеркало ДЛЯ РОССИИ

О чем молчит
власть



Вадим Кирпичев
Зеркало для России.
О чем молчит власть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51691383

ISBN 9785449846884

Аннотация

Историческая формула зарождения нашей страны такова: Россия = Византия + Орда. Веру, культуру, алфавит для Третьего Рима мы взяли у византийцев. От Орды получили двести народов, исламскую составляющую и наследие Чингисхана – жесткую вертикаль власти. Двадцатый век модернизировал нашу цивилизацию в православно-советскую. В итоге мы имеем самобытную евразийскую российскую цивилизацию. «Зеркало для России» – это вся мировая история. И тысяча лет противостояния-притяжения по оси Запад-Россия.

Содержание

ЗЕРКАЛО ДЛЯ РОССИИ	6
О ЧЕМ МОЛЧИТ ВЛАСТЬ	7
Часть I	8
Морфология российских империй	9
Глава 1	10
СТРАНА НЕВЫУЧЕННОЙ ИСТОРИИ	11
Глава 2	21
Игра «Российская Империя». Демоверсия Ивана Грозного	22
Глава 3	41
Глава 4	51
Глава 5	59
Глава 6	66
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Зеркало для России. О чем молчит власть

Вадим Кирпичев

© Вадим Кирпичев, 2020

ISBN 978-5-4498-4688-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Россия – антирусский и антинациональный проект.

Но об этом почти никто не знает. А кто знает, тот не говорит. История раз за разом тащит нас по замкнутому кругу ненависти к прошлому, презрения к настоящему и упований на светлое будущее. Почему так происходит?

Новая книга Вадима Кирпичева открывает нам тайное знание, доступное лишь посвященным.

Вы получите ответы на вопросы:

- В чем проявляется цикличность российской истории?
- Как Иван Васильевич писал программный черновик Российской империи?

Российской империи?

- Коммунизм – явление русское или антирусское?
- Возможна ли демократия в России? А в США?

– Быть ли России Западом, а Украине – Европой?

– К чему приведет прощание с евросказками?

Хватит смотреть на себя через Брюссель! Не пора ли посмотреть на себя прямо?

ЗЕРКАЛО ДЛЯ РОССИИ

О ЧЕМ МОЛЧИТ ВЛАСТЬ

Часть I

Морфология российских империй

Россию нельзя победить.

Россия – это закон природы, и кто с мечом к природе придет..



Глава 1

СТРАНА НЕВЫУЧЕННОЙ ИСТОРИИ

В России никогда и ничего не меняется. А когда в России меняется все, то только для того, чтобы ничего не менялось.

В школьных сочинениях «Как я провел лето» я никогда не упоминал рассказы деда о Гражданской войне. «Проза» деревенских легенд никак не вписывалась в лубок учебников школьной истории. Расстрел «при попытке к бегству» бывшего бандита, закончившего войну бойцом отряда Котовского, случаи людоедства, топка печи пачками керенок – все это в 1960-е годы звучало как преданья дикой старины. Царизм, развал страны, атаманы, независимые уезды – эти приметы времени казались чем-то бесконечно далеким, приветом от Бориса Годунова и Лжедмитрия.

Вспомнились рассказы деда в конце 1980-х. Тогда уже было ясно, к чему все шло, поэтому я уговаривал родителей снять со сберкнижки те несколько тысяч рублей, на которые они собирались спокойно жить на пенсии. Будучи «розовым» оптимистом, даже сочинил статью «Почему обречен СССР» и рассылал ее по редакциям советских газет и журналов, доказывая, что принципы перестройки рушат системонесущие балки государства. С таким же успехом можно было пытаться остановить железнодорожный состав брошен-

ной под его колеса газеткой.

А состав уже вовсю летел с горы, тяжеленный, о пятнадцати вагонах, с сорванными тормозами, а на месте машиниста паровоза сидел кот Леопольд, шурувал рычагами и распевал песенки про «новое мышление».

Статью в журналы не взяли, уговорить родителей закрыть сберкнижку мне не удалось, и все их сбережения, как и у миллионов других пенсионеров, благополучно «сгорели» в огне нашей очередной смуты. Все повторилось: развал страны, беспощадные реформы, проведенные с большой ненавистью к людям, ничего не стоящие деньги, вакханалия суверенитетов.

В те годы на шестнадцатой странице «Литературки» в «Клубе 12 стульев» была опубликована любопытная карикатура: мужик ходил по кругу и наступал на грабли. И тогда же – в 1988 году – на экраны вышел замечательный фильм режиссера Хотиненко «Зеркало для героя». Его главный герой посещает свою малую родину – Донбасс – и попадает там в «петлю времени», проваливаясь в год 1949-й, когда его родители были еще молодыми людьми.

Весь фильм Сергей (так зовут героя) кружит в одном и том же повторяющемся дне и не может из него вырваться. «Времяворот» кружит его, ловушка не отпускает, ощущение бессмысленной цикличности нарастает, и вот уже зрителю фильма кажется: еще чуть-чуть – и он сам с кайлом в руках окажется там, в восьмом мая 1949 года, в очередной раз вос-

становливающим в очередной раз разрушенное народное хозяйство.

Можно вспомнить и повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Тот же по сути сюжет, та же идея; всего лишь один лагерный день, а в нем – год, срок, век, эпоха. Из дня Ивана Денисовича не вырваться, его можно только пережить, «отмотать», и все те же смыслы в тексте: мы все живем в одном неизбывном дне. Из такого мучительно хочется выскочить, но нет никакой возможности, и остается лишь без истерики, с достоинством и спокойствием существовать в нем.

Живя в России, нельзя не удивляться, но и удивляться нельзя. История раз за разом тащит нас по знакомому кругу ненависти к прошлому, презрения к настоящему и упований на светлое будущее. И вокруг все время кто-то обижается: одни на то, что не получается как в США, другие – что порушены идеалы и лепота царства Ивана Третьего, третьи – что вокруг не Швейцария. Список претензий к России порой просто изумляет. Почему-то матушка-Россия всем должна. С чего бы это?

Повторяются и циклы ненависти к прошлому. В СССР пинали по-всякому царизм, в РФ с тем же энтузиазмом оплевывали и обливали грязью все советское, и есть подозрение, что и с нами поступят так же, что придет время, и мы будем так же оболганы и прокляты. И снова будет в ходу анекдот о деталях швейной машинки «Зингер», из которых в наших

широтах что ни собирай, а получится автомат Калашникова.

Сергей из фильма «Зеркало для героя» все-таки вырвался из петли времени и вернулся в настоящее. Каким образом? Тем же, что и герой идентичного по сюжету американского фильма «День сурка».

Столичный журналист прибыл в провинцию и застрял в одном и том же повторяющемся дне. Вырваться он может, лишь изменив отношение к миру. Надо перестать презирать его, надо стать человеком, найти себя. И вот когда журналист полюбил этот мир, принял его, нашел в себе все человеческое, только тогда этот мир отпустил его на волю.

Перед нами инструкция, найденная в разбившейся под Прокопьевском летающей тарелке:

«Инструкция для хронотуриста, попавшего в петлю времени»

Пункт 1. Понять день, в который ты влип.

Пункт 2. Полюбить этот день.

С возвращением!

Сергею из «Зеркала для героя» вырваться из петли времени гораздо сложнее, чем американскому журналисту. Американцу надо всего лишь полюбить скучную, но милую американскую провинцию – поступок для жителя Манхэттена неординарный, но возможный. Москвичу куда трудней. Он должен отказаться от привычной иронии, понять своего отца, принять сталинскую действительность как истину, как неизбежную реальность, почувствовать всю ее историческую

правду и с душой, обожженной этой правдой, вернуться к себе домой. На это не каждый способен. Приятней прятать голову в удобный миф.

Хорошо, мы готовы понять Россию. Где ее суть? В каком учебнике? Сейчас быстренько прочитаем и поймем и примем матушку-Русь такой, какой она есть.

Увы, нет такого учебника, не найти и телепередачи. Россия не имеет своего определенно выраженного лица, поэтому проще найти расхожие рассуждения о тайне России с отсылкой к Тютчеву. Загадка России, без сомнения, существует, а значит, имеются и сотни противоречащих друг другу теорий, и тысячи мнений.

Многие западные социологи и политологи вообще считают, что такой страны, как наша, не должно и существовать. Мы для них – некое историческое недоразумение. По всем их законам государство Россия не должно было возникнуть. Другие эксперты из «забугорья» более снисходительны, они дают нам право на жизнь, но с оговорками.

Мол, Россия – это некое случайное скопление этносов, недосмотр истории, нечаянное объединение разноплеменных народов, которое по недомыслию и лени провидения непонятным образом смогло скооперироваться в мощное государство. Раздражение этих специалистов понятно. По их западным лекалам России действительно не может быть, а на ее месте в лучшем случае должны находиться тройка-пяток Польш и десяток Монголий, которые не о космосе

должны думать, не ракеты запускать, а разбежаться по улусам и мелочно грызться между собой за спорный лужок и пропавших давеча коз.

Книги российских авторов выгодно отличаются знанием предмета и любовью к нему. Люди в материале, это видно, а вот с системностью хуже. Причем речь не идет о книгах-снарядах, в которых главное – не информация, а упрямый в них идеологический заряд. Среди книг о России есть совершенно замечательные труды, но, похоже, я невезучий читатель: все они односторонни, Россия в них рассматривается либо в одном разрезе, либо через прицел определенной идеологии и задачи. Упор делается то на климат, то на экономику, то на историю, заставляя вспомнить притчу о слоне и слепых мудрецах, шупающих нашего слона со всех его разнообразных сторон.

Увы, практически нет текстов без идеологии, заказа, интереса. Левый, правый, западный, почвенный, но заказ лагеря, дня, эпохи почти всегда подразумевается.

Россию не исчерпать одной идеей, пусть и самой замечательной, она сама – идея. Россия не слон, это, скорее, чудом уцелевший в истории динозавр, громадный континент, и поэтому так трудно понять ее системно, подобрать для нее простую и очевидную модель, вывести ее цивилизационную формулу. История, география, климат, политика, экономика, соотношение этносов, культура – все у России и свое, и заемное, и своеобразное, и чужое, похожее на всех сразу

и ни на что в отдельности. Россия всех напоминает, а стоит особняком, все в ней и наособицу, и по заемной мерке.

А власть? Куда она смотрит? Почему не разъяснит нам смысл России? Но молчит власть, не выдает она национальную идею России, хранит тайну, а на все вопросы лишь загадочно усмехается.

И правильно делает.

Власть не виновата в своем молчании. Всему виной цикличность любой российской власти. На повороте российского круга власть вынуждена доказывать, что ее маска и есть настоящее, наконец-то обретенное лицо России. Да и периоды свободы в наших палестинах столь коротки, оттепели столь мимолетны, что летящая на карусели страна просто не успевает увидеть себя в зеркале.

К тому же диспуты наши своеобразны. В XVII веке старообрядец Никита Добрынин по прозвищу Пустосвят рискнул подискутировать с патриархом под гарантии полной безопасности. В диспуте он не уступил, а вот после него стрельцы нашли аргументы поострее патриарших и голову Пустосвяту отрубили.

Очень похоже на то, что понимание России – это всегда удел посвященных, оно не для среднестатистического обывателя. Смысл России может существовать только в качестве тайного знания элиты и никак иначе.

Интеллигенция (лат. *intelligens* – понимающий, разумный) в последние сто лет активно подпитывала правящие классы

идеями и людьми. Наша элита в значительной степени вербуетя именно из интеллигенции. Рекруты из интеллигенции постоянно маршируют вверх по социальной лестнице. Собственно, интеллигент – это и есть хомосапиенс, человек понимающий. Пока дело не доходит до России. Кто мы? Что есть наша Родина? В чем смысл и суть России? Какова ее цивилизационная формула? Задайте эти вопросы да хоть доктору исторических наук, а точных ответов вы, скорее всего, не получите. Разве что услышите набор из навязанных извне мифов или расхожих, ничего не дающих определений. Но проникновение в суть собственной страны не есть ли обязанность образованных россиян? Не пора ли без морализма и лести посмотреть на правящую нами элиту, власть?

Увы, даже интеллигенция питается у нас чужими, подброшенными идеями или архаичными мифами, которые внятно не могут объяснить явную цикличность нашей истории.

Храм Христа Спасителя. Строим. Сносим. Строим.

Гимн. Встаем и садимся под музыку Александрова. Не встаем и не садимся под музыку Александрова. Опять встаем, опять Александров.

Возьмем ту же благословенную и всеми нами любимую Францию, родину Дюма и Наполеона. Скучно живут французы. Идут века, а Франция остается Францией, а у нас то Киевская Русь, то Московская, то Российская империя, то СССР, то РФ.

Перелетаем через Ла-Манш. Открываем зонтик. И здесь

без перемен. Традиции, гвардейцы, королева. Англичане, вот уж оригиналы, так и не удосужились за столько лет расстрелять свою королеву, даже на Соловки не отправили. Больше того, она еще приемы устраивает, президентов принимает. Казалось бы, к чему эти монархические излишества в век демократии? Зачем трепещет этот золотой осенний листок на древе английской государственности? Даже название страны за столько лет не догадались поменять. Все та же Старая Англия. А почему не Новая Наглия? Где прогресс?

У нас не так. Только новые географические карты успевай печатать. И на то есть причины, некая неизменная суть просвечивает сквозь все наши вихри.

Для кого этот текст?

Во-первых, для людей неленивых и любопытных, кому интересно знать, в какую петлю времени его забросило и можно ли из нее вырваться.

Постигнет ли Российскую Федерацию жалкая участь Российской империи и СССР? Что нас ждет впереди? Очередная смута? Золотой застойный сон? А если все-таки смута, то по каким признакам определить ее час?

Текст этот может пригодиться и людям прагматичным, интересующимся, когда надо в очередной раз бежать в банки, чтобы спасти свои сбережения. Но в первую очередь он для тех, кто собирается жить в России, равнодушен к своей стране и хочет узнать о ней больше.

Хватит смотреть на себя через Брюссель. Не пора ли вы-

прямиться?

Россия. Выломился из мрака истории целый континент. Громадный, заснеженный до горизонта мир. И дымится – вздыбленный, непонятый. Давайте рассмотрим его со всех сторон, и пусть нам нельзя знать правду о себе, а все-таки рискнем. Авось сдюжим.

Кто мы? Зачем? Для чего?

Нам предстоит ответить на эти и многие другие вопросы, и обещаю, что без сюрпризов не обойдется. Мы не потратим время зря, узнаем много удивительных вещей, выведем цивилизационную формулу России и, наконец, поймем, что это за такая удивительная страна, в которой нам выпало счастье жить. Нырнем в прошлое, отправимся в будущее, сравним себя с Америкой и Европой, в общем, заглянем в зеркало для героя, чтобы в итоге понять, насколько умно и красиво устроена наша Отчизна.

Глава 2

Игра «Российская Империя». Демоверсия Ивана Грозного

Сейчас историки пытаются преподнести, что в тысяча пятьсот каком-то году что-то там было. Да не было ничего! Все это происки!

Виктор Черномырдин

Иван Васильевич меняет ход истории

1552 год. Бравые молодцы царя Ивана Грозного штурмом берут Казань. Освобождены томящиеся в рабстве десятки тысяч людей. Русь торжествует. Свершилось возмездие за многовековое иго. Взята Казань – и словно пробка вылетела из бутылки! Перебродившая под ордынским гнетом Русь хлынула по Волге до каспийских берегов, выплеснулась в Сибирь. Покорением Казани поставлена точка в долгих спорах с Ордой.

На самом же деле это точка бифуркации, момент перерождения, ключевое событие русской истории. После взятия Казани Русь окончательно расстается с образом патриархального европейского королевства и вступает на путь империи, выбирает судьбу полиэтнического многоконфессионального государства с авторитарной властью. Русь Ивана Грозного, протянувшаяся от Новгорода до устья Волги, есть протоимперия. Недаром на стены Астраханского кремля по-

шли кирпичи из ставки Батыя.

Оценим темпы. В 1552 году присоединено Казанское ханство, в 1556 году добавилось ханство Астраханское, с 1581 года начинается завоевание Сибирского ханства (Ермак). За каких-то тридцать лет Московское княжество размахнуло свои крыла на два континента!

Прощай, Европа! Русь начинает искать свои, посконные формы организации власти и государства.

Наша задача – определить морфологию российских государств, вот уже почти полтысячи лет заправляющих на евразийских просторах. Найти то общее, что повторяется из века в век, выяснить, в каких формах живут, растут и умирают государственные образования на нашей территории.

И здесь никак не обойти царствование Ивана Грозного.

Точка невозвращения

Бывая на Красной площади, я теперь по-другому смотрю на пряничные купола Покровского собора, известного как храм Василия Блаженного. Храм этот есть придорожный камень, стоящий на развилке истории, ибо построен он в память похода на Казань. С этой развилки Русь и свернула на путь России. После взятия Казани и Астрахани Русь становится православно-исламским государством, в котором значительная часть населения не умеет толком по-русски и разговаривать. Поворот к национальному европейскому государству остается за спиной. Русь сделала свой выбор, и не в его пользу.

Исторический процесс имеет так называемую точку невозвращения. После нее он приобретает принципиально другой характер – гусеница превращается в бабочку и отправляется в полет. Посвященная XVI веку истории Руси глава одной из книг Льва Гумилева начинается с подзаголовка «Рубеж». XVI век есть век рубежный, он весь находится на переломе и тысячелетия, и истории государства российского.

До Грозного московские князья собирали русские земли, боролись с феодальной раздробленностью, устраивали русское государство, избавлялись от ига. Двести сорок лет Русь кряхтела под Ордой, два с половиной века Степь вглядывалась в Русь. Теперь пришло время Руси взглянуть в Степь.

Задачи и цели русских людей в рубежном веке меняются. От обороны по отношению к Степи они переходят к наступлению на Степь. От национального царства Русь делает первый шаг к империи.

Иван Третий сколотил и прирастил Московское княжество. С 20 тыс. км² площадь княжеских земель увеличилась приблизительно до 70 тыс. км². Для сравнения: территория нынешней Московской области составляет 47 тыс. км². Все мы помним школьный учебник истории. 1480 год. Конец ига. Золотоордынский князь Ахмат. Стояние на Угре. А где это? Да совсем рядом, недалеко от Калуги, на электричке можно доехать до этого притока Оки, от которого Ахмат и ушел не солоно хлебавши. И сразу: 1485 год – начинается

перестройка стен и башен московского Кремля.

А что в мире творится? 1492 год – Колумб плывет в Америку. Европа открывает для себя Новый Свет, а Русь только очнулась, она саму себя лишь начинает открывать, зато делает это стремительно.

Иван III умер в 1505 году, а Иван IV Грозный взялся за царский штурвал в 1547 году. Именно в этом промежутке времени идеологию имперской преемственности сформулировал псковский игумен Филофей в известной доктрине «Москва – Третий Рим». Это исток всей официальной русской идеологии XVI века, именно доктрина «Третьего Рима» и формировала политическую программу Московского царства при Грозном и далее.

Можно сказать так: находясь между Иванами, Русь загадала желание стать преемницей Византийской империи.

Учтем: византийский двуглавый орел перелетел на герб Московского княжества в 1472 году, еще при Иване III. Герб, идеология, вера – все уже есть для создания Третьего Рима, Русь с охотой принимает византийское имперское наследство. Не хватает самой малости – нет имени. Но вот появляется и оно.

Когда Рим становится Вавилоном, он превращается в Империю. Когда Русь становится Вавилоном, она преобразуется в Россию.

Само слово *Россия*, если не ошибаюсь, впервые замечено в письменных источниках в 1517 году, в самом начале ру-

бежного столетия. Иван Грозный, будучи активным публицистом своей эпохи, чуть ли не первым охотно пользуется словами *Россия* и *российский*. Он же пытается найти и сколь-нибудь эффективные методы модернизации и формы управления для стремительно расширяющейся державы. Мало того что к царству добавилось чужеродное Казанское ханство, но ведь и рязанские, и новгородские, и прочие русские земли еще толком не интегрированы в единое государство. Русская нация еще формируется, единства элиты нет и в помине, и не забыты времена, когда князья русские хаживали друг на друга с мечом. Тут железный кулак требуется, чтобы наладить управляемость системы, стальная властная вертикаль, вот царь-программист и создает демоверсию игры, в которую с азартом бросится играть российская история.

О некоторых «фишках» этого царского программного продукта спорят до сих пор.

Июль 1570 года.

У «Поганой лужи» (ныне Чистые пруды) казнят несколько сотен человек, обвиненных в сношениях с польским королем, турецким султаном и крымским ханом. Человек двести по царской «милости» полу чили прощение. В расправе над остальными участвует сам Иван IV с сыном Иваном. Среди казненных есть и противники, и бывшие сторонники грозного царя.

Ничего не напоминает? Вся эта охота на английских и польских шпионов? Борьба с «изменой» князей и бояр,

мешающих единовластию?

И скачут по Руси черные всадники с притороченными к седлам метлами и песьими головами, выметают «измену», ведь царю везде чудятся «мятежи» и «заговоры». Отсюда и массовые репрессии: казнят и людей, и целые города (Новгород).

Опричнина. Что это было? Историки до сих пор спорят об этой загадке. На целых семь лет какой-то морок накрыл Русь. И кончилось все знакомо: взошли на плаху сами опричники. Не избежал казни и один из главных злодеев – Федор Басманов. Так «басманное правосудие» шестнадцатого века добралось и до главного своего кромешника.

Версий причин и смысла опричнины много, вплоть до простого сумасшествия Ивана Грозного.

Историк (писатель, публицист) Дмитрий Володихин, написавший не один труд о царствовании Ивана IV, высказал такое мнение: опричнина – это неудачная военно-административная реформа.

Хорошее определение, но я бы два слова в нем оставил, а одно заменил. Какое? Об этом чуть позже.

КГБ всяя Руси

После этого, следовательно, по причине этого.

Латинское изречение

Вслед за Лейбницем Михаил Ломоносов повторил: «Ничто не происходит без достаточного основания». Поищем та-

ковые основания и для опричнины.

Сделаем смелое допущение. Опричнина случилась вскоре после взятия Казани, присоединения Астрахани и существенного добавления нерусского населения. Так может быть, опричнина – это вовсе не сумасшествие Ивана Грозного, а поиск такой политической организации, с равенством всех перед беззаконием, которая позволила бы надежно управлять нарождающимся Вавилоном? Империя здесь ищет новые, полицейские способы управления этносами и элитами, пытается нанизать на копьё вертикали власти хотя бы некоторые части России.

Поэтому слово «военная» в определении Дмитрия Володихина меняем и получаем такой ответ: опричнина – это неудачная имперская реформа. В ней огнем и мечом Иван Грозный пишет программный черновик российской империи, программирует ее демоверсию. Царь пытается «равноудалить» бояр и князей, ищет оптимальную форму репрессивного аппарата власти. В опричнине имперский византийский орел пробует первую кровь, чтобы ею тут же поперхнуться, но вкус этой крови он запомнит на всегда.

Перепроверим себя энциклопедиями и мировой историей.

Проводился некий комплекс военных, политических, организационных и административных мероприятий. Так пишут об опричнине в энциклопедиях. А что есть переход к имперской форме правления, чем занимался Петр Вели-

кий? Тем же самым: комплексом военных, политических, организационных и административных мероприятий. Понятно, такие комплексы могут быть какими угодно – имперскими, антиимперскими, да хоть марсианскими. Все определяет их смысл. Что ж, разберемся со смыслами и отправимся прочь из нашей эры.

Ликует Древний Рим. Он приветствует отца народов Октавиана Августа. На дворе первое тысячелетие до нашей эры, самый рубеж тысячелетий и эр, время перехода от Рима республиканского к Риму имперскому.

Сравним Грозного и Октавиана.

В чем особенность опричнины? У Грозного все земли делятся на опричнину и земщину. Слово опричь (особый удел, «особый двор», который получали княгини-вдовы) подчеркивает особый характер правления на этих землях. Особисты правят на них, царские слуги. Земщина остается областью обычного права и боярского управления. Таким образом, выделяются земли имперские и земли гражданские (земщина).

А что делает Октавиан?

Он делит все провинции на императорские и сенатские. В императорских заправляет сам, а в сенатских провинциях устанавливается традиционное сенатское управление при помощи республиканских проконсулов. Так это ж опричнина и земщина в чистом виде.

Идем дальше.

Начиналась опричнина формированием особого отряда в тысячу человек.

А что Октавиан? Чем ответит властитель Рима?

Он создает девять преторианских когорт по тысяче человек в каждой. Как говорится, чтобы ни один Брут! Попробуй подступись теперь к правителю Рима, когда вокруг него девять тысяч опричников.

Нет, что бы ни говорили, а похожа, ох похожа опричнина на классическую имперскую реформу. Грозный гениально понял: царскую власть надо срочно менять на императорскую, требуется «равноудалить» бояр от трона, иначе зарежут, отравят – у них завсегда и яд, и кинжал в рукаве. Царскую власть пора принципиально возвысить над всеми боярами, увеличить дистанцию, чтобы и мыслей не было у этого «сбродного боярства» (Ключевский) покушаться на первенство. Эгоистично, без учета национальных интересов вели себя бояре: все эти Глинские, Милославские хотели быть рыцарями Круглого Стола, а вели себя как английские шпионы.

А сложность момента какова! Московское княжество только стало Русью, под рукой не царство, а некий конгломерат княжеств, нет единого русского народа, те же рязанцы готовы хоть сейчас Москву пограбить, а тут усмиряй Казань, разбирайся с исламом, решай проблему Крыма. Россия теперь вокруг, хаос (это по-гречески, а по-нашему – бардак), все сырое, зыбкое, неустойчивое, а править надо и управлять

русским хаосом здесь и сейчас. Тут только дай волю, и сепаратисты-князя мигом разлохматят Россиюшку на уезды да вотчины.

Рубежный век настал. Не ждет XVI век. Стартует время первопроходцев. С Грозным Россия начинает искать себя и политически, и географически, она только нащупывает свои пределы и берега. Север начинает свое движение на запад, восток и юг. На западе нас сразу остановила Польша, на юге затормозил Кавказ, а вот на восток предстоял поход до самого до Тихого океана.

Ищет себя Россия и в политике. Начинается долгий спор Грозного с Курбским, спор самодержавия с боярством, спор России с Европой. Первый среди равных будет властвовать либо первый и единственный? По-польски надо управлять либо по-русски? Царь будет рулить или олигархи?

Забежим чуть вперед исторического паровоза. Мы не пойдем Грозного, не зная смысла будущих веков, направления политического тренда России. На все поставленные выше вопросы история ответила, причем ответила однозначно. Рассудила она спор Ивана Васильевича с Курбским, и приговор нам хорошо известен. Буквально через век с хвостиком боярство захиреет, впадет в ничтожество, и на веки вечные у нас победит спасительный для России принцип единовластия. Царь оказался прав. Бояре – нет. Ответ получен.

Но отчего первый имперский блин вышел комом?

Сложнейший вопрос, требующий отдельного исследова-

ния. Здесь мы можем расставить лишь некоторые вешки.

Вспомним тех же Цезаря и Октавиана. Первый рвался в императоры нахраписто и был моментально зарезан исторически обреченными демократами. Второй осторожно назвался принцепсом (первым гражданином): мол, демократя, ребятки, демократ, только не мешайте работать императором. Имперское строительство требует методичных функционеров (Октавиан, Екатерина II, Сталин), а не бури и натиска.

Та же опричнина, может быть, опиралась не на те социальные силы, хотя дворянский, противобоярский настрой хундордной опричнины вроде был и к месту. Может, не стоило выстраивать полицейскую диктатуру с опорой на старомосковское дворянство – все-таки для дела модернизации лучше подходят космополиты, провинциалы, полукровки, а не охранители. В общем, с наскаку не разобраться в причинах сомнительных успехов наших первых особистов.

Важен результат: Иван Грозный, по нашему, по российскому счету, – это царь-неудачник. Да, он взял Казань, распахнул ворота в Азию, но Европу победить не сумел, Ливонскую войну не выиграл. Он модернизировал Русь, но имперскую реформу провалил, так и не найдя достойного оправдания для самовластного террора. Поэтому на всей территории России вы и не сыщете ему ни одного памятника. Не заслужил. Свою власть царь утвердил, но не оправдал ее большой Победой.

Империи не прощают неудач. Вавилон для своего оправдания должен найти Башню, дать своим многоязыким народам великую цель. Русь, после присоединения волжских народов и части Сибири, становится именно Вавилоном, настоящим Римом времен Империи, она заговорила на многих языках, но в царской демоверсии она еще себе не сочинила оправдания, не стала Россией. Она еще только примеряет на свои плечи крест евразийства.

Самовластие, самодержавие царя. Это хорошо, современно, функционально. Но для чего? Не найдена некая сверхцель, которая оправдала бы жестокость имперской длани. ДемOVERсия империи так и не нашла покупателей. Ни элите она не понравилась, ни народу. Первую имперскую «игру» Россия проиграла.

Есть мнение, что Смута начала XVII века есть божье наказание за грех опричнины, что расплатился по счетам Грозного уже Борис Годунов: сам – головой, а Русь – лихими временами. Мол, Лжедмитрий только выдавал себя за сына Ивана Грозного, а вот сама Смута – это точно детище опричнины и общей политики Ивана Васильевича. «Пусть бог не вмешивается» – говорили в похожих случаях древние римляне. Если в чем Борис Годунов и виноват, так в том, что не смог укрепить свою власть, как Грозный. Смута – наказание за слабость власти, ее мягкотелость, неумелость, благонамеренность, неумение справиться с боярами, за годуновщину и горбачевщину.

Другое дело, что здесь намечается начало некоего цикла: имперская реформа – Смута и развал страны – собирание страны. Запомним этот цикл, он еще не раз повторится в нашей истории. Все-таки недаром мы раз за разом заглядываем в зеркало рубежного века – все начиналось именно там.

Особисты, чрезвычайка, тайные канцелярии, министерства – история еще найдет адекватные и действенные формы и полицейского надзора, и имперских форм управления. Но время бенкендорфов и ЧК еще не пришло. Пока у нас XVI век. Царь горяч, сам хватается за топор, даже перчатками не пользуется. Не читал он книг по менеджменту, толком еще не умеет грязные дела переадресовывать исполнителям. И скачут по Руси черные всадники-особисты с метлами и песьими головами у седел, изводят боярскую измену. Двуглавый орел на печати скрепляет монаршьи указы. Князья трепещут, репрессии бьют и по боярству, и по духовенству, и по обывателям. Диссидент Курбский бьет в колокол в Польше.

Всему этому суждено повториться в нашей истории тысячами, миллионами судеб. Еще в глазах зарябит от этих пятен и родинок, привычных нам, как черные тире на стволах берез.

Не учите царя жить

Сейчас мы можем умничать, учить Ивана Васильевича жизни, истину царю с улыбкой говорить, тыкать ему в нос альтернативы. А кто знает, что бы случилось, не придуши

Иван Грозный боярство, не установи он дистанцию между помазанником Божьим и олигархами своего времени. Общее направление его политики имело вполне прогрессивный вектор. В Европе тоже шли к абсолютным монархиям, давили герцогов и князей, сносили замки мятежных баронов, казнили тамплиеров. Государям требовались исполнители, слуги, нужны были д'Артаньяны, а не Ланселоты, дворяне, а не равные правителю рыцари Круглого Стола.

Может быть, мы еще посоветуем самодержцу конституционную монархию ввести? Так мы не консультанты из Вашингтона. Те бы точно потребовали от Ивана Васильевича избираться на царство демократическим способом. Представляете картину: дымящаяся после пожаров Казань, а воеводы Грозного созывают татар на избирательные участки голосовать за реформатора царя-батюшку. Вспоминается известный казус с европейскими консультантами. Они посоветовали бирманцам пахать глубже, после чего вода ушла с полей.

Сравним Русь с соседней Польшей. Там шляхетство ставило своего круля в грош. Абсолютизм не прошел. Чем все закончилось? Слабым государством, национальным поражением, разделами страны. И – только подумать! – обретением государственности лишь в веке двадцатом. Совсем недавно. А все почему? Не было абсолютизма, не задавили свое спесивое боярство-дворянство.

Символично то, что Иван Грозный есть последний вели-

кий князь «всея Руси» и одновременно – первый русский царь и протоимператор. В согласии с эпохой Иван Васильевич насаждает абсолютизм, и пусть без версальского блеска, но так утверждает закон «государство – это я». Грозный – западник, реформатор, модернизатор. При нем начинают созываться Земские соборы, составляется Судебник, проводятся Губная, Земская и другие реформы, и в свете реформаторской деятельности царя опричнина выглядит формой обиды и несколько нервной реакцией модернизатора на откровенное вредительство боярской элиты и равнодушие разноплеменной страны к благим переменам. Боярский саботаж повторится в нашей истории еще не раз: министры Николая II, номенклатура Брежнева стеной будут стоять на пути любых реформ. Почему? Реформы, модернизация – это всегда смена элит, а легче найти добровольцев, готовых шагнуть в окопы, чем сыскать сановников, способных добровольно покинуть кремлевские палаты и кабинеты.

Прощай, Русь. Вперед, к Империи!

Ивана Васильевича упрекать легко, многие этим с удовольствием занимаются, а мы не будем. Это первый русский царь, первооткрыватель, правящий на переломе эпох, разведчик будущего. Он шел по историческому бездорожью, протаптывал первую лыжню, а как тут без ошибок? Вы пробовали когда-нибудь писать компьютерные программы? А отладить программу пытались? Напишите хотя бы крохотную программку, отладьте, а потом критикуйте ца-

ря. На Билла Гейтса тысячи программистов работают, а его «Виндоусы» как глючили, так и глючат.

Да, историческую народную память не обмануть. Не нашел Иван Васильевич оправдания своего самодержавия. Рубился он с боярами за власть – вот и вся цель, а требовалась некая сверхидея для прикрытия политической целесообразности. Голое самовластие народ не вдохновит, казни не уравновесит. Но исторически царь был прав. «Не попы» и «не рабы» должны править Россией. Не их дело указывать Кремлю. Поэтому политически правы и Грозный, и Петр Великий, и большевики (о нравственной стороне дела речь сейчас не идет), когда притесняли попов и бояр. Империи нужны исполнители, служители, солдаты, а не красующиеся своей нравственной правотой жрецы и князья.

А может, даже и не в этом дело! И у неудач грозного царя есть куда более веская причина. Глубинная, корневая. Какая? Ответим, и очень скоро. Ну, а пока посмотрим, как развивалась Русь после рубежного века. Чем запомнился век семнадцатый?

Бунташный век

Начало – 1612 год. Русь очнулась от Смуты. Конец века – Петр Великий. А что интересного было в середине? Страна стремительно расширяется, прирастает Сибирью, русский богатырь потягивается и пятками упирается в Тихий океан.

Но самое главное – воссоединение, скажем так, с Украиной. Именно война с Польшей за Украину определила ба-

ланс сил в славянской Европе, а заодно и исторические перспективы государств. Не удержав Украину, проигнорировав желание казаков служить на равных со шляхтой польскому королю, Польша обрекла себя на гибель. И наоборот, усилившись Украиной, Русь приобрела новый масштаб и невиданные силы. Объединение православных славянских народов стало гарантией их будущей победы над Западом. Отпадение Украины от Польши исторически обрекало последнюю на погибель, ибо очутилась она в геополитическом зазоре между тевтонским молотом и русской наковальней.

Заплатить за воссоединение с Украиной пришлось церковной реформой Никона и гонениями на старообрядцев. Русь поменяла свои обряды, подстраиваясь под православный чин украинцев. Запомним и это. Русь еще не раз будет жертвовать собой ради политической, имперской целесообразности. И пусть витийствует протопоп Аввакум, Солженицын своей эпохи, но дело Руси проиграно. Париж стоит мессы, Украина – церковной реформы.

История борьбы казацкого сотника Богдана Хмельницкого вообще чрезвычайно поучительна. Поначалу он боролся вовсе не за присоединение к Москве, а за увеличение количества реестровых казаков на службе польской короне. Тут вспоминается «странная» Союзническая война начала I века до н. э. в Древнем Риме, в которой италийские племена сражались за право на римское гражданство.

Не «незалежности» италики желали, а быть гражданами

Великого Рима. «В Европу» им приспичило, за это и голодали, и умирали на крестах. Разумеется, римские легионы разнесли их в пух и прах, но гражданство римское италики получили! Так бывает: война проиграна, но побежденные достигают своей цели. У казаков получилось с точностью до наоборот. При помощи «руки Москвы» войну с Польшей они выиграли, но цели своей (не быть второсортными подданными польского короля) не добились. Вместо этого Украина попала в крепкие объятия московских царей.

Урок сей исторической басни прост. Похоже, как ни горька эта правда для многих украинцев, но «в Европе» Украине исторически уготована судьба страны не первого сорта, роль любовницы, а не жены. Так к ней относились поляки в веке семнадцатом, так, а это мы видим, относится к ней Европа в веке двадцать первом. Обещать жениться? Сколько угодно. А вот в ЗАГС, то бишь в ЕС, не торопится ее вести Брюссель.

Но у нас XVII век только поворачивает на закат. Со времен Ивана Васильевича прошло ровно сто лет. Что изменилось? Добавились Сибирь, Украина. Русь становится евразийским континентом, идет век собирания сил, наращивание количества.

Стоп! Вот и ответ на вопрос, вот мы, кажется, и поняли, чего не хватило Ивану Грозному, в чем причина царских неудач. Не царю сил не хватило, а стране. Не амбиций было мало, а амуниции. Элементарно не хватило ресурсов, чтобы выиграть сражение с Западом, а ресурсы требовались и ма-

териальные, и системные. Вспомним уже близкое будущее: даже Петр со всей своей бешеной энергией и несравненно более сильным государством еле-еле прорубил прибалтийское оконце.

Итак, подходит к концу «бунташный» XVII век, век собирания сил. Кстати, а почему он прозван «бунташным»? Да все по той же причине. Без сложившейся власти Вавилон бурлит, бунтует, узды просит. А что наступает после бунтов и смут? Правильно. Наступает век имперский, и когда он приходит, время останавливает течение свое.

Вспомним: когда Рим становится Вавилоном, он превращается в Империю, когда Русь становится Вавилоном, она преображается в Россию.

Республиканцам не по силам править ста языцами, вот и Русь приготовилась к коренному повороту в своей судьбе. Присоединены десятки иноязычных народов. Украина и ее элита кое-как интегрированы. Накоплены предпосылки и силы для особого пути и особой политической организации. Пришла пора на равных схлестнуться с Европой. А раз так, то и нам пора перейти от первого царя к царю последнему – первому императору Российской империи Петру Великому.

Глава 3

Петр I. Явление Империи

Успех – вот что создает великих людей.

Наполеон Бонапарт

Оправдание имперской идеи

Зачем нужны империи? Почему их терпят народы? Жить в плавильном имперском котле не так уж и удобно. Это еще не в котле у чертей вариться, но степеней свободы маловато – политкорректность вилами в бок учит, интернационализм стесняет, лишний анекдот, и то не рассказать. Да, громадный внутренний рынок, межнациональный мир – это все важно, выгодно, но мало.

Национальное государство может прозябать в нужде, греясь, утешаясь своими обычаями и традициями, но Империя должна быть великой и успешной, или она вообще не нужна. Вавилону требуется Башня.

Спасение для России Петр нашел в западном модернизационном проекте. Техника Запада. Западные способы производства, модернизация. Это раз.

А дальше? О чем мечтает обычное восточноевропейское государство? Мечтает оно стать Европой, съездить в Париж и Брюссель. Что-то там подсюсюкнуть. Побывать на приеме у английской королевы. Все. Мечты исполнены. Жизнь восточноевропейского государства удалась.

Это два?

Фигушки.

Борьба с Западом, противопоставление себя Европе, вхождение в Европу через борьбу с ней. Участие в концерте европейских государств и игра в нем на ударных инструментах. Вот это – два! Это по-нашему.

Не раболепное вхождение в Европу на полусогнутых восточным невымытым соседом, а противопоставление себя всему миру особой цивилизацией. Бросить вызов всему миру и не проиграть – вот он, российский проект. Не заглядывать в рот Западу, а послушать этого ментора и при случае же изловчиться и заехать ему по зубам – наш манер. Облапить по-медвежьи Европу, а потом повернуться к Европе ее рифмой – вот замечательная политика, найденная Петром.

Не Русь, не Европа, а Россия – великое евразийское государство, которое чистит себя под Европу и противостоит ей своей особой цивилизацией. Учиться у Запада, чтобы потом его бить.

Нашел Петр Первый нужную формулу, а что с того? Только успех оправдал создание империи и сделал Петра Первого Великим. Простили ему и террор, и жертвы, а народу он погубил на порядок больше царя Иоанна, прозванного Грозным. Памятники Петру стоят. И то: он нашел для имперской идеи цель помимо голого самовластия и через тернии добрался до этой цели – создал великую державу.

Рассмотрим внутреннюю политику царя.

Западная модернизация – это одна опора, но на одной ноге долго не устоишь (одна точка опоры известно для чего годится). Тем-то и гениален Петр, что одной ногой он стоял в Европе, а другой – в Азии. Азиатский пласт его проекта – имперская организация власти. Западное лекарство наливалось в крепкую дубовую восточную бочку. Техническая модернизация и западные способы производства плюс российское имперское самовластие. Запомним это сочетание. Мы еще увидим, что Россия всегда добивается успеха, пока живет по этой формуле, и тут же хиреет, а то и разваливается, когда ей изменяет. Заметим, Петр завозил машины, ноу-хау, а не слепо копировал политические новшества. Западные технологии плюс укрепление феодально-крепостнического строя. Так сказать, коммунизм – это электрификация всей страны плюс советская власть. В тему: Иван Грозный и книгопечатание развивал, и вертикаль власти укреплял всячески.

В петровских преобразованиях Россия находит себя, а заодно и оправдание себе в конкретном модернизационном проекте. Новшества Петра хорошо известны. Они вокруг нас – не забыть. Россия в нынешних формах создана Петром Великим.

Табель о рангах позволила усилить дворянство способными людьми, при царе-реформаторе награды получали за способности и заслуги, за результат, а не по знатности и национальности. Петр аморфную славянскую душу затянул в мун-

дир Табели о рангах, загнал в форму наше бесформие.

Воспитанный в значительной степени иностранцами, с юных лет знающий немецкий язык, Петр и Россию-матушку принялся переучивать на заграничный лад. В Европе закупаются книги, станки, приборы, оружие – технологии, говоря по-современному. Окно в Европу было прорублено купленным в Голландии топором. И пошло-поехало. Учреждены коллегии – будущие министерства. Вместо воеводств появляются губернии. Самовластие у нас получается не простое, а с множеством приводных ремней и механизмов. Не перечислить новшеств Петра, да и ни к чему – они все вокруг нас, что ни возьми: география, картография, культура, образование, военное дело. Тот же календарь. Наши попы – вроде христиане, а до Петра ну не желали они летоисчислять от рождества Христова, все на иудейский манер считать годы норовили – от сотворения мира.

Строится монархия дворян и чиновников. Она защищает новые отрасли от импорта: дешевый импорт из Европы находится под постоянным гнетом правительственного тарифа. Отечественный производитель на первом месте, а импорт позволителен только дополняющий. Появляются первые каналы, строятся дороги, развивается система образования. Петр приватизирует казенные предприятия, передает их эффективным собственникам, раздает им субсидии. Актуальный царь, не правда ли?

Не забывает император и о политическом сыске.

А как в России без него? Учреждена Тайная канцелярия. В 1762 году не любящий и не понимающий Россию Петр III решился ее отменить. Бедняга. За новое мышление он тут же поплатился тронем, а потеря трона в России всегда чревата. Через шесть дней после переворота при «невыясненных» обстоятельствах Петр III скоропостижно скончался под Петербургом. На трон заступила Екатерина Вторая, а уж она понимала, в какой стране царствует.

Но пока в России правит царь-прогрессор, царь-пассионарий, но при этом царь-реалист. И потому – армия и еще раз армия. Страна, чье основное богатство природные и территориальные ресурсы (а земля – это ресурс, и еще какой), до которых много охочих ртов, не выживет без современной и мощной армии. Реформы культуры также направлены на укрепление абсолютистского государства.

В 1721 году провозглашается империя, а уже в следующем году начинается Персидский поход, и к ней присоединен даже город Баку – вот куда долетел византийский орел всего за двадцать лет, вот куда он взмыл на петровских крыльях-парусах.

А цена? Какова цена этих достижений? Увы, она высока. Россия всегда переплачивала и будет переплачивать, что за футболистов-легионеров, что за реформы. На это есть вполне объективные причины, и мы до них обязательно докопаемся.

Пока же – предварительный итог. Оправдание империи –

в модернизационном проекте. Иначе зачем она нужна? Проще разбежаться по градам и улусам и молиться там своим богам, чем жить под тяжелой дланью самодержца. Модернизационный нерв российского абсолютизма точно почувствовал здравый имперец Пушкин, когда говорил, что правительство в России – лучший европеец. Строить рай на земле, рубить окна в Европу, отправлять человека в космос, насаждать в России демократию, да так, чтобы всем неповадно было, – великий проект обязателен в имперской парадигме. Проект позволяет держать властную вертикаль в тонусе, легитимизирует ротацию кадров, объединяет народы, глушит националистические перехлесты в центре и на местах.

Вавилон жив, Вавилон будет жить, пока всерьез, без дураков, строит Башню.

Что с того, что Лжедмитрий объявил себя императором? Первым настоящим императором России был и навсегда останется только Петр. На этом камне история основала все российские империи.

А кто сопротивлялся реформам? Интереснейший вопрос! Модернизация по Руси проходила ох как тяжело, как телега по весенней грязи. Заговоры, восстания – все было. Кто же не пускал Россию в будущее? Ответ на этот вопрос поможет нам понять, в каком конфликте живет и обновляется наша Отчизна.

Россия как антирусский проект

Умирая, культура превращается в цивилизацию.

Освальд Шпенглер

Мы строим государство чиновников и дворян. Заточено оно на модернизацию, динамику, обновление. А вокруг все еще ходят бородатые бояре, постреливают привыкшие вмешиваться в царские разборки стрельцы.

Конфликт неизбежен, причем многое копируется из времени Ивана Грозного, вплоть до черточек на историческом полотне. Помните? Картина Репина? Ошеломленный Грозный, окровавленный посох, лежит убитый сын. Так и Петру пришлось казнить собственного сына за вполне реакционный заговор.

Реакционная часть духовенства, бояре-олигархи, стрельцы имперским переменам не радовались. И если белогвардейцы – это стрельцы 1917 года, то сами стрельцы – это белогвардейцы XVII века. Верные Русланы отживающей Руси, вдруг ставшие ненужными России молодой. В начале века двадцатого, в Гражданскую войну их полынную судьбу повторит белое офицерство и казачество.

А царь-западник продолжает казнить с восточной беспощадностью. Кто противостоит Петру? Кто поднимается на плаху?

Русь.

Короче не скажешь.

Западнический, имперский проект выявляет противоречие в паре Россия – Русь. Форма власти начинает подминать и корезить национальное содержание. Природа такой власти

интернациональна, этой власти все равно, какой национальности кошка, лишь бы она исправно ловила мышей. Империя начинает мордовать Русь.

Петр I не только строил заводы и брил бороды, одновременно он создавал формы самодержавной имперской власти, учреждал регулярное государство. Именно в его правление так явно обнажилось противоречие между имперской модернизацией и русским национальным самосознанием. История расписывала роли: Империя – модернизация, динамизм; Русь – охранительство, консерватизм. Все это еще повторится и в начале, и в конце XX века.

Пока же Русь отстывает. Со временем она возьмет страшный реванш, но пока до этого далеко. Рассвет империи – это всегда антирусские реформы, ибо хорошие имперцы – плохие националисты. Думается, нет смысла говорить о том ущербе, какой Русь потерпела от великого реформатора. Ущерб этот общеизвестен, и любители седой старины до сих пор называют царя-прогрессора Антихристом (своеобразным почетным титулом российских реформаторов). Перенос столицы из Москвы в Санкт-Петербург есть все та же политика борьбы с Русью.

Перед нами эпическое полотно: Петр I сшибает колокола, отливают из них пушки. Что это? Варварство? Невиданный прогресс? Ни то ни другое.

Мы видим точную метафору деятельности царя-модернизатора: сырой чугуна Руси переплавлялся в имперскую сталь.

Культура Руси погибала, но из ее расплава создавалась Россия. Русь распинали во имя спасения русского народа и сотен народов Евразии. Именно так создаются великие цивилизации, в них смерть национальной культуры есть залог сотворения мировой цивилизации. Русь пошла в очистительную, жертвенную переплавку, чтобы обернуться великим Русским миром, грандиозной цивилизацией северной Евразии.

Особая глава – притеснение православия и духовенства. РПЦ – русская церковь, национальная церковь в многонациональном государстве. Отсюда – многие проблемы и самой церкви, и страны.

Но до гибели Российской империи еще далеко. Еще целых два века ее орел будет простирает крыла на два континента, поклевывать и Запад, и Восток, пока одну его голову не заменит серп, а другую – молот.

Впереди – красный римейк. Но перед ним мы возьмем паузу на одну главу. Материала достаточно, можно обобщать. Раз – это случайность, два раза – закон. Уже вполне можно сочинить простую модель для России. Ведь что у Ивана в намерении, черновике, у Петра в реализации, что Иван нащупывал, то Петр нашел. Это и мучительные попытки пробиться в Европу, и столь же легкое движение на Восток. Это западная модернизация и казни боярства, притеснение духовенства и жестокая эксплуатация крестьян. Все этому еще не раз повторяться в российской истории.

Дальнейшее развитие и имперские циклы России рассмотрим через очень простую, чрезвычайно все огрубляющую, но действующую модель.

Глава 4

Модель «Империя – Русь»

Нет, видно, есть в божьем мире уголки, где все времена – переходные.

Михаил Салтыков-Щедрин

Чего не любили в редакциях советских журналов? Что являлось приговором для рукописи?

Сейчас – понятно, любой автор знает. «Неформат» – вот он приговор, после которого автор может смело сбрасывать свой текст в Интернет. А в советских редакциях? В советские времена таким приговором служили слова «не обобщайте». Публицисту дозволялось вскрывать отдельные недостатки, но не дай бог он начнет обобщать – все, текст можно было смело выбрасывать в корзинку, стоящую при выходе из любой редакции.

Как вы уже поняли, сейчас мы перейдем к обобщениям, к рассмотрению основных форм существования российских империй. Такого не дозволялось в наших палестинах во втором тысячелетии, авось в третьем тысячелетии от рождества Христова «проскочит».

Подступаемся к «тайному» знанию

Когда народ много знает, им трудно управлять.

Лао-цзы

Узнать судьбу данного «обобщения» вы можете прямо сейчас: если перед вашими глазами не книга, а сетевой текст, значит, финальное, системное знание о России по-прежнему табуировано не только для народа, но и для интеллигенции.

С палубы крейсера невозможно увидеть затаившуюся подводную лодку, а с самолета ее контур отлично виден, пусть даже она идет на глубине полсотни метров. Требуется дистанция, чтобы разглядеть горы. А континент?

Россию можно понять только из исторического космоса, иначе вместо свободного исследования мы получим очередное обслуживание той или иной идеологии, той или иной политической и культурной традиции. Не будем пока любоваться пылающим в сосуде огнем, а рассмотрим сам сосуд.

Постараемся распознать форму, которая упрямо повторяется в очередной открывшейся государственной матрешке.

Итак, поднимаемся в исторический космос и смотрим вниз. Что мы видим?

Два континента. Две столицы. Два календаря. Два Новых года. Два Рождества. Две головы орла. Два... впрочем, на них и остановим перечисление.

Такая двойственность у нас во всем, поэтому и разобьем условно нашу властную элиту на две футбольные команды (сейчас это модно). Одну команду назовем «Империя», а вторую – «Русь». Попробуем сыграть с ними в исторический футбол.

Мяч на центр. Игра началась!

Кто там у нас гоняет мяч по полям и векам?

Команда «Империя»

За эту команду играют модернизаторы и прочие реформаторы.

В нее охотно берут легионеров, инородцев, молодежь. В пятую графу обычно не смотрят. Стиль игры активный, с акцентом на нападение. «До основанья, а затем...» – слышится на поле.

Игроки то и дело поглядывают на Запад, но на него не молятся.

Уважают Салтыкова-Щедрина.

Характер почти нордический.

Команда «Русь»

Пора наконец станциям метро вернуть те названия, которые они имели до революции.

Савелий Цыпин

Другое дело команда «Русь». Это охранители, мастера застоя. Любимая система игры – катеначчио. Все в защите. Ценят возрастных игроков. Славяне в почете. Любят доморощенных, кондовых, посконных.

Бывает, шустрит по молодости нападающий в команде «Империя», голы забивает, а потерял скорость, азарт, нарастил брюшко – и вот уже поменял команду и пыхтит, пенсионерит за «Русь» центральным защитником.

Легионеров, инородцев в «Руси» терпят по русской доброте, но не жалуют. Система игры посконная, кондовая, хотя

уже и давно не лапотная.

Запад на них не переносят и постоянно любят про-
шлым.

Салтыкова-Щедрина не уважают.

Характер совсем не нордический.

Матч двух веков

Первый матч «Империя» – «Русь» начался при Петре Первом, а закончился правлением Николая II. Целых два века шла эта интереснейшая игра! С каким счетом закончился? С традиционным. Матчи этих команд заканчиваются всегда одним и тем же результатом, но его секрет раскроем чуть позже. Пока идет игра, и зрителям-участникам еще ничего не ясно.

Рисунок игры прост по-футбольному. Одна команда атакует, вторая контратакует. Налетят «имперцы», намодернизируют Россию по-всякому, устанут, тогда начинают «русичи» силу брать, в золотой застой страну втягивать. Россия дряхлеет, увядает, зарубежные «команды» в очередной Крымской войне «накидают ей по самое „не хочу“», и снова «имперцы» переходят в нападение, реформы проводят, модернизации строят, Россию спасают.

Теперь мы можем точно сказать, с каким результатом закончился этот матч, – вничью. Матч «Империя» – «Русь» всегда заканчивается со счетом 1:1. Империя создает Российскую империю, а Русь ведет к гибели.

А теперь отбросим метафоры, кавычки и поговорим, так

сказать, «по-научному».

Мы строим искусственную, чрезвычайно все упрощающую, но эффективную модель. В России есть одна настоящая святыня – это власть. Расчленим ее на две части и посмотрим, как крутятся эти исторические шестеренки. Империя и Русь – это те две силы, которые определяют круговорот нашей властной элиты и наши хождения по мукам.

Империя – это найденная Петром Великим имперская форма власти и ее модернизационное оправдание.

Русь – это ментальное и этническое ядро нашей Родины. Это ее историческое национальное содержание.

Имперская форма власти постоянно корежит, давит свое же национальное содержание, третирует его, но за счет его энергии во многом и живет.

Неким образом Россия и Русь соотносятся как христианство и иудаизм, как интернациональный проект с проектом национальным. Один вырастает из другого, но носит принципиально иной, наднациональный характер.

В модели «Империя» – «Русь» форма власти постоянно сталкивается со своим же этническим содержанием и менталитетом властвующих этносов.

Имперцы по духу своему есть космополиты, им не суть важно, какой национальности и вероисповедания кошка. Их даже черные кошки не пугают. Русофилы более привередливы. Их кошкам желательно иметь безукоризненную пятую графу, и посещать они должны партсобрания и храмы,

а не синагоги. Подозрительно брюнетистые кошки им не любви.

Ключевые характеристики Империи и Руси таковы.

Империя – модернизация, реформы, космополитизм, баланс между этносами, авторитарность, динамизм.

Русь – охранительство, почвенничество, консерватизм, патриотизм, национальное самосознание, русский национализм.

Модус Русь в нашей модели – это метафора, комплекс идей, а не покушение на Святую Русь. Данный модус носит скорее характер синтетический, интегральный, а не исключительно этнический, хотя корреляция со славянским этносом и его историческим национальным сознанием, разумеется, имеется.

Работает эта модель так.

Российское государство развивается, расширяется, прирастает народами, все сильнее в нем имперское, интернациональное начало. Поэтому Империя постоянно входит в противоречие с Русью, с этим историческим ядром страны. На разных этапах за команду Русь играют бояре, старообрядцы, стрельцы, белогвардейцы. Русь, этот наш извечный консервант, выступает достойным спарринг-партнером Империи на протяжении всех веков. Хилых модернизаторов Русь будет уничтожать, ссылат в Сибирь, истреблять водкой на кухнях, отправлять в эмиграцию. Здоровущие имперцы, напротив, сами будут мордовать Русь, гнать ее в эмиграцию,

ссылать в Сибирь, а если надо, то расстреливать и казнить охранителей, уничтожать отжившие свое сословия.

Очередное наше государство после очередной смуты всегда возрождается как Империя. Секрет расцвета наших империй открыл Петр Первый. Это модернизация средств и способов производства по западному образцу плюс укрепление имперской власти плюс обязательное противостояние тому же Западу. Причем для успеха важна вся триада. Как будет показано чуть позже, без определенного противопоставления себя западной цивилизации Россия обречена на прозябание. Вспомним, кто входит в пантеон героев нашего народа согласно телевизионному опросу «Имя России». Это Александр Невский (первое место), Петр I и Сталин, и над каждым из них сияет ореол Победы именно над Европой. Победы над Азией Дмитрия Донского и того же Ивана IV имеют рейтинг «пожиже». Что касается Сталина (деликатнейшая тема), то просто вслушаемся в глас Божий: по тому же опросу «Имя России» он занял твердое третье место.

Расцветают наши империи в противостоянии Западу. В этом мы еще убедимся. А как они умирают? Что приводит Империю на эшафот?

Интереснейший вопрос. Начнем с первого имперского цикла, вспомним, как и почему погибла Российская империя. А погибла она потому, что кроме команд «Империя» и «Русь» на историческом поле объявилась третья команда.

Эта третья «футбольная команда» и похоронила Российскую империю, а называлась команда...

Но как она называется, скажем в следующей главе. Это – сюрприз.

Глава 5

Конец Первой Империи

Никто не умирает не в свой срок.

Сенека

Волны модернизаций

XIX век. В России все нормально. Свои победы и поражения, свои проблемы и решения – все как у других.

Правда, уже появилась и усиливается в мире идея, которая скоро похоронит Россию, но пока она мощи не набрала, не объяснила: что хорошо немцу, то русскому смерть. Так что рано говорить об этой «терминаторской» идее. А пока вспомним, как жила и обновлялась Россия.

Наша жизнь – это по-прежнему игра «Империя» – «Русь».

На корабле «Россия» – две вахты. То имперцы у штурвала, когда надо провести реформы, то охранители опускают паруса и укладывают корабль в дрейф. Имперцы на самом-то деле и те и другие, обе вахты уверены, что на корабле с Андреевским флагом может быть только один капитан, который всегда прав. В принципе, на реформаторов и охранителей можно разделить элиту любого государства. Простейший цикл реформы – стабилизация можно также найти в истории почти любой страны.

После Петра Великого империя жила в стандартном цикле *модернизация – застой*.

Накапливается отставание в неповоротливой машине, следует поражение в войне, после чего предпринимается догоняющая модернизация.

Николаевская Россия проиграла Крымскую войну, и это поражение подвигло на реформы – отмену крепостничества, развитие капитализма.

Отставание – поражение – реформы есть естественный цикл развития для всех стран. Пока жареный петух не клюнет, мужик не перекрестится. В таком цикле живут и люди, и государства. Кризис (по-гречески – приговор) отрезвляет, говорит о том, что система одряхла и нужны перемены.

Имперцы, условно назовем их так, проводят реформы, реализуют очередной модернизационный рывок. Страна набирается сил, после чего к власти приходят охранители, и начинается период застоя. Силы эти у нас этнически окрашены. В имперцы часто рекрутируются на ловлю славы и чинов инородцы, иностранцы, энергичные провинциалы, в общем, д'Артаньяны. Застой опирается на титульный этнос, на центр, опора его – чиновный, служилый люд столицы.

Что тут нового? Абсолютно ничего. Ну затянули где-то с реформами, вовремя не провели модернизацию – мачеха-история скоро на расправу, накажет кризисом, а то и революцией, и пусть с кровопусканием, но вылечит больного. Так случается в обычных национальных государствах. Но в них даже унижительные поражения не ставили под сомнение необходимость существования самого государства.

Другое дело – империи.

В XIX веке империям и колониальным державам жилось вполне комфортно. Разделяй себе, властвуй, и никаких проблем. Оправдание империй – общий рынок, этнический мир, и пока есть силы и ум для интеграции местечковых элит, а войска – для подавления окраинных сепаратистов, империи процветают. До определенного рубежа Османская, Австро-Венгерская и Российская империи со своими проблемами справлялись.

Шестьдесят пять миллионов лет назад шарахнул по Юкатану здоровенный метеорит, и динозавры сразу вымерли. Условия жизни, видите ли, изменились. Век двадцатый начался с охоты на исторических динозавров, и вышеназванные колоссы рухнули в пыль. Почему? Что за «метеорит» упал на них в веке двадцатом?

Играли люди в шахматы, а тут пришел игрок в бейсбольной кепке и одним ударом биты смел фигуры с доски. Звали игрока Демократия.

Для обычного национального государства с появлением и торжеством идей демократии ничего не изменилось, а для России и прочих империй идея эта прозвучала приговором. Танго застой – модернизация, поражение – реформы сменяется на вальс. Империя начинает жить на счет раз-два-три: Империя – Русь – Демократия. В переводе на человеческий век: Молодость – Старость – Смерть.

Закат Российской империи

Чутьем гениального поэта Блок понимал: илленнут Русь-матушку ее сыновья. Они не простят матери ее кондовости и толстозадости.

Из школьного сочинения

Империя начинается как движение «антирусское», модернизационное, а умирает тогда, когда в ней побеждает Русь. Распутин – это и есть сама Русь, грубо и зримо явившаяся в Зимний дворец. Александр III и Николай II – время «обрусения» империи, подготовка к ее краху. Как известно, династия Романовых не считала себя русской династией, элиту в значительной степени набирала из прибалтийских дворян, и только Александр III себя позиционирует как русского царя. С ним Русь начинает побеждать Империю, а значит, готовить ее гибель. Забыт главный принцип: властитель Руси может быть русским царем, но император России – никогда. Впрочем, нельзя не сказать об Александре III и добрых слов – правил он в основном по заветам Петра: семью держал в кулаке, вертикаль властную укреплял, проводил всегда нам полезную политику просвещенного протекционизма (об этом скажем подробнее, когда речь пойдет об экономических условиях хозяйствования в России).

При Александре III все выглядит блестяще. Всегда уместный для России некоторый изоляционизм способствует развитию промышленности, страна внешне крепка, но накапливаются нерешенные проблемы. Сословное устройство обще-

ства изжило себя. Национальный, аграрный вопросы не решаются. Техническая интеллигенция в своем потенциале не востребована. Если не ошибаюсь, у Гиляровского можно найти исторический анекдот на эту тему: московский обер-полицмейстер не разрешал заводить трамваи, чтобы те не обгоняли его тройку. В начале XX века трамваи по Москве уже бегают вовсю, но ретрограды еще в большой силе. Те же столыпинские реформы если и проводятся, то как-то судорожно. Большинство интеллектуалов – в лагере оппозиции, среди врагов трона. Реформистский потенциал царизма исчерпан.

Если верхи долго не могут, низы скоро не захотят. Налицо революционная ситуация. И тогда, как в шекспировской пьесе, на сцену вышли два могильщика.

Могильщики империй

Национальное сознание и национализм – явление девятнадцатого века.

Николай Бердяев

Эти две идеи бродили по Европе и набирали силу на протяжении всего XIX века, причем ходили под ручку, поддерживая друг друга. Экономический базис этих идей – капитализм. Собственник рассуждает просто: собственность священна. И больше он ничего не желает знать. Короли так не считали, за что и поплатились – кто короной, а кто в придачу и головой. Замечательно сформулировал Наполе-

он: на смену Европе королей идет Европа наций. Как практикующий политик с военным образованием он-то отлично понимал, что на штыках сидеть неудобно. Идея требуется. Идея монархии мешает капиталу? Долой монархию! А за что умирать тогда? Чем объединить, вдохновить народ, армию?

Оказалось, что кроме национальной идеи капиталистам нечего предложить массам. Ведь самой идеей демократии сыт не будешь. Она сытых и голодных не очень-то объединит. Демократия есть идея свободы собственников, отражение в политике свободного перетекания капиталов в экономике.

Получается простая и логичная цепочка. Капиталистам нужна демократия как власть собственников. Кто имеет на данный момент деньги, тот и выбирает власть. В системе капитализма власть – это верхушка айсберга денег. Авторитарная власть монарха или вождя сама норовит хапнуть любые деньги, поэтому капиталисты ее терпят, когда деваться некуда, а потом могут своих «пиночетов» и под суд отдать.

Демократия – вот верная гарантия собственности. Но здесь собственников поджидает неприятность: монарха можно заменить лишь национальной идеей, а это вещь опасная, дикая. Недаром Черчилль сравнивал национализм с тигром, которого нельзя победить, а можно лишь приручить и оседлать.

Приручить-то можно. Но не всем.

Чем больше государство, тем труднее ему победить де-

мократию и национализм. В большой стране много наций, и в условиях демократии и свободы властям тяжело защититься от национализма, который стремится развести народы по национальным квартирам.

Национализм – идея XIX века. Начало XX века – это время краха империй. Набирает силу демократия, и именно она рушит в феврале 1917-го Российскую империю, впрочем, для того, чтобы и самой сгинуть под ее обломками. У демократии хватает сил только на ликвидацию «обрусевшей» Империи, но удержать власть в полиэтническом субконтиненте демократия не может – слаба, националистические идеологии гораздо сильнее, поэтому окраинные и региональные национализмы с легкостью разрывают империю на куски. Так погибли Австро-Венгерская, Османская империи. Время империй, в которых доминируют националисты титульной нации, прошло. Россия навсегда исчезла с мировой карты.

Так многим казалось. И логика их была железной. Капитализм развивается. Идея свободы побеждает. Только национальная идея способна в новых условиях сплачивать страны. Поэтому колониальные державы обречены, империи обречены. Не будут народы терпеть имперский гнет, когда можно жить уютным национальным независимым свободным государством.

Молча выслушала История эти детские речи и вытащила из рукава козырный бубновый туз.

Глава 6

Красный феникс

Всякая власть от Бога. А уж тем более власть атеистов.

В большевиков никто не верил. Считалось, что у власти они смогут продержаться несколько месяцев. Их судили по старым меркам, еще не зная, что видят перед собой талантливую творческую игру Истории, не ведая, что у этой затейливой дамы, как у хорошего поэта, все идет в ход.

Считается, что большевики использовали Россию для коммунистического эксперимента. А может быть, все было с точностью до наоборот? Может, это Россия использовала коммунизм для сохранения имперской традиции? Так кто кого на самом деле использовал? Вопрос интереснейший, и в этой главе мы на него обязательно ответим.

Российский вальс

Раз-два-три. Империя – Русь – Демократия. В таком вальсе начинают кружить наши империи в XX веке. Команда Русь-1 довела страну к 1917 году «до ручки», после чего демократы устроили Первой империи похороны в виде буржуазной Февральской революции.

Но зацепиться у власти демократам дано в основном в моноэтнических странах, где можно объединить народ, кото-

рый вдруг потерял царя, вокруг национальной идеи. В современном Вавилоне (США – отдельная история) сие практически невозможно.

У нас Временное правительство продержалось 8 месяцев, в конце XX века почти столько же продержится правительство Гайдара. Наверное, 7—8 месяцев – это некий максимум для любого демократического правительства в России, установленный опытным путем.

Чудесило правительство Керенского не хуже гайдаровского, абсолютно не чуя под собой страны. Чего стоит только Приказ Номер Один. Демократизация армии, а по сути ее развал, напоминает выборы директоров при Горбачеве.

Недаром Керенский по молодости играл в любительском театре Хлестакова. Демократ в России – это частенько просто прохвост, пройдоха, сказочник. Без сильной власти Россия стала тут же расплзаться, разваливаться на куски и мечтать о сильной руке. Тут-то и начали ленинцы свое историческое творчество. Сильная рука появилась.

Красный римейк

Большевики пришли с утопическим проектом, но Ленин (абсолютно не догматик), будучи гениальным политиком, что признавали и его противники, учел подсказки реальности и сопротивление исторического материала.

В борьбе с Белым движением и коллегами-социалистами утопический коммунистический проект узнавал норы страны и волей-неволей стал подстраиваться под Россию-матуш-

ку. Утопия начала превращаться в узду.

Сквозь облака на грешную землю госпожа История сначала смотрела пренебрежительно. Какие-то мальчишки-утописты «авантюрят-шустрят» в Питере, таких контрреволюция быстро лечит свинцом. «Ах, оставьте! Скучно все это и бесполезно».

История – дама опытная, видела-перевидела она таких героев момента, бузятих в империях, всех этих восставших рабов, крестьянских вождей, спартаков всяких. Сегодня ты гроза Рима, громишь легионы, захватываешь дворцы, а конец всегда один – крепкий римский крест. Распнут между разбойниками, и конец герою. Эти вовсе смешные. Пришли в русскую державу с явно антирусским проектом, военного образования ни у кого нет, философские книжки пишут. Авантюристы. Обречены.

И отвернулась История.

Но что это? Прошло несколько месяцев, а римские консулы их еще не распяли, пардон, не расстреляли. Действуют наши кортесы, захватившие древнюю империю, лавируют. Тут-то старая дама и присмотрелась к большевикам повнимательней. Вспомнила, что у нее-то стихи растут из любого сора. А ведь толковыми оказались эти питерские мальчишки, бойко в России орудуют, вот и в Москву переехали. Правильной дорогой идут товарищи. Преторианцев-опричников в ЧК набирают. Грабят награбленное. Не такие уж они и интеллигенты в пенсне – обращение с Россией-матушкой

понимают. Утописты? Ничего, утрутся, приспособят фантазию под Башню. Русь третируют? Так в России без этого никак. Зато интернационалисты. А идея эта вполне христианская, имперская. Демократов презирают, а диктатуру утверждают? Тоже подходит для спасения имперской идеи. И вообще, ребятки творческие, за догмы не держаться, на реальность ориентируются. Ничего, пооботрутся и станут со временем нормальными чиновниками и функционерами новой империи.

Так подумала История и дала большевикам шанс.

Использовал Ленин его блестяще.

Сперва он разогнал Учредительное собрание и простился с демократическими иллюзиями всего XIX века. Со времен декабристов Россия видела розовые демократические сны, но очнулась от морока и поняла: не по Сеньке эта западная шапка. Так принести из чулана шапку Мономаха! Победивший дракона рыцарь вынужден сам становиться драконом.

А что делать? Буржуазия витийствует, казачество вцепилось в свои сословные привилегии (землю), белое офицерство тайно и явно мечтает возродить монархию, крестьяне бунтуют. И на этом фоне надо решать застарелые задачи: покончить с войной, ликвидировать помещичье землевладение, провести земельную реформу, решить национальные проблемы. Надо ответить на три главных вопроса: о мире, о земле, о праве наций на самоопределение.

Либерально-буржуазный лагерь (октябристы, кадеты)

за семнадцатый год блестяще доказал свою полную неспособность справиться с Россией.

Дворянство и офицерство с не меньшим блеском доказали это до революции.

Остаются левые: социалисты, эсеры, социал-демократы (меньшевики и большевики). Сейчас хорошо видно, по какому критерию история проводила «кастинг» политических сил, – это имперскость. Вспомним, что по реформам Петра I мы определили три признака здоровой имперской политики:

1. Жесткая авторитарная власть.
2. Техническая модернизация по западным образцам.
3. Политическое противостояние Западу.

Дворяне были сильны в первом пункте, но откровенно беспомощны во втором, либералы не имели сильной руки, а многие из левых откровенно хромали по всем трем пунктам.

Перед большевиками высились настоящие модернизационные Гималаи. Предстояло уничтожить крестьянство, превратить крестьян в аграрных рабочих, а большую часть переселить в города. Кстати, Запад тоже вовсе не в белых перчатках уничтожал свое крестьянство. Предстояло придавить православие, эту опору Руси и русского национализма, истребить и нейтрализовать окраинные национализмы, уничтожить сословное устройство общества, осуществить промышленный рывок. Масштабы реформ, характер историче-

ского перелома можно было сопоставить только с эпохой Петра Великого.

Кто, кроме большевиков, мог решить такие задачи? Вопрос цены не поднимается, он решен среди наших осин давно и однозначно: России всегда и за все приходилось платить по максимуму. Дешевые варианты у нас никогда не проходили.

Спасители Империи

Впереди – с кровавым флагом,

И за выюгой невидим,

И от пули невредим,

Нежной поступью надвьюжной,

Снежной россыпью жемчужной,

В белом венчике из роз —

Впереди – Иисус Христос.

Александр Блок

Не ошибся ли гений Блока? Не примерещился ли ему Христос впереди отряда красногвардейцев? Может быть, права Зинаида Гиппиус, и на самом деле впереди шел Антихрист? Чтобы правильно ответить на эти вопросы, нам надо понять, в чем смысл XX века. Попробуем.

В XX веке национализм стал крепко мешать мировому хозяйству, глобалистским тенденциям в экономике. Начался XX век с большой иллюзии: интеллектуалы мечтали о Соединенных Штатах Европы, о братстве народов, к которому

якобы на всех парах плывет пароход современности, а на самом деле в историческом тумане этот пароход уже поджидали айсберги национализма, на которые «Титаник» европейской цивилизации и налетел на полном ходу.

Две мировые войны и почти весь XX век понадобились Европе, чтобы изжить свои национализмы, ведь именно в изживании национализмов и заключена суть мировых войн. Не мелом, а своей кровью нации писали на доске истории очевидные истины: нельзя ненавидеть соседей, права всех наций одинаковы, за пропаганду национальной исключительности и особых прав своей нации приходится платить сепаратизмом и перманентными конфликтами.

Расширение демократических свобод накладывало свои ограничения на национализм. В условиях свободы пещерный национализм стал просто опасен, ибо практически невозможно решить проблему сепаратизма мирными средствами. Это в средневековье правитель мог послать войско, пушками (последним доводом королей) снести замок барона-сепаратиста и таким образом успокоить любую провинцию. А что делать с сепаратизмом, когда работает трибунал в Гааге? Выход один – окультуривать, подавлять титульный национализм.

Нынче в Западной Европе национализм есть вполне маргинальное явление, изживаемое через объединение культур и государств, мудрые европейцы научились уважать права нацменьшинств и не возвращать сепаратизм собственными

руками. Во второй половине XX века Европа перешла от военных форм изживания национализма к мирному способу его уничтожения – объединению, союзу. Евросоюз изживает национализм в форме объединения национальных государств.

Крах социалистических режимов Восточной Европы с новой силой высветил противоречие между демократией и национализмом. Полиэтнические государства в условиях свободы оказались абсолютно нежизнеспособными, и развалил эти карточные домики именно национализм. Чехословакия – развод, Югославия – кровавый развал, Молдавия – раскол, Грузия – потеря двух регионов. Титульные нации новых стран с удовольствием нацепили платье национализма (так слуги торопятся нарядиться в одежду уехавших хозяев), не заметив, что платье это давно уже вышло из исторической моды и что в веке двадцать первом нелепо выглядит камзол.

Смысл XX века – в борьбе с национализмом, и процесс его обуздания и приручения до сих пор не окончен. В условиях демократии национализм опасен и зачастую самоубийствен для полиэтнических государств. Он их разрушает, подстегивает сепаратизм, крепко мешает общемировому хозяйству. Апофеоз борьбы с национализмом – это Вторая мировая война, война с немецким, итальянским и японским национализмом. Фашизм окончательно дискредитирует идею исключительности отдельной нации, ибо идея эта обрекает даже моноэтническую страну если не на внутренние распри,

то на перманентные конфликты с соседями обязательно.

В США национализм подавляется идеологией политкорректности, у Европы – свой путь. Когда-то, с не очень легкой руки Наполеона, Европа королей стала превращаться в Европу наций. В условиях авторитаризма национализм консолидировал государства, но все изменила демократия. С нее стартовал процесс дробления полиэтнических стран на моноэтнические части, и процесс этот на Югославии не закончится. Не секрет, что в Шотландии «дети капитана Гранта» уже решают вопрос: Глазго или Эдинбург должен быть столицей независимой Шотландии?

Впрочем, Европу это не пугает. Для борьбы с национализмом она придумала неавторитарный обходной маневр. Европейская нация награждается государственностью в расчете на то, что она будет изживать свой национализм в общем европейском котле, играя по правилам демократии и прав человека. Национализм выдавливается по капле через общие европейские ценности, культуру и идею европеизма, который нащупывает берега своего континентализма через антиамериканизм, антиисламизм и русофобию. Проблема демократии в полиэтнической стране – это всегда проблема подавления национализмов и сепаратизма, а европеизм есть дополнительный обруч на бочке государства.

Попутешествовав по последнему веку Европы, вернемся в его начало – к гениальному русскому поэту.

Вывод: Блок прав. Христос командовал красногвардей-

цами, и никто иной. Ведь в Красной Армии не было «ни иудея, ни эллина», большевики работали на интернациональный, созвучный антинационалистической эпохе проект, а вот по другую сторону фронта националистические настроения имели место быть. Князь Львов, известный политический деятель начала XX века, утверждал: тот, кто не понимает, что Гражданская война была войной коммунизма против русского национализма, тот вообще ничего не понимает в тех событиях.

Понимание это можно сформулировать и так: Империя-2 – Русь-1, счет 5:0.

Именно с таким счетом имперская «Аргентина» разгромила русскую «Ямайку».

Но почему именно Христос привиделся поэту? В чем смысл метафоры? Он очевиден. Имя Христа – Спаситель. Красногвардейцы и явились под кровавым флагом спасти Россию. Большевики блестяще решили национальный вопрос и при помощи федерализма нейтрализовали националистов. Если Первая империя была тюрьмой народов, то СССР – это школа народов. Так ленинская гвардия спасла идею империи в век, казалось, созданный для уничтожения империй.

Альтернативная Россия

Национализм не бывает первой свежести.

В последние двадцать лет вошли в моду альтернативные

России, и некоторые нынешние историки хотели бы победы белых в Гражданской войне. Они победу Белого движения рассматривают как наилучший вариант. Мол, победи Белая гвардия, раскрути история Белое колесо, и Россия воспрянула бы, и весь мир тогда бы почувствовал невиданное благоухание воздухов и расцвет ее духовности.

Давайте проверим этих альтернативщиков и пробежимся по «белой» ветке истории, но для начала вернем мяч на центр и вспомним, как развивался матч «в реале». На секундомере госпожи Истории, которая судит матч, опять 1917 год. Вот госпожа История свистнула в дуло носовой пушечки «Авроры» – игра началась!

Нападающие команды Империя-2 бросаются атаковать ворота Зимнего дворца, которые защищают игроки команды Демократия-1. Бросив капитанскую повязку, Керенский по накатанной для демократов дорожке мчится жаловаться в Нью-Йорк, игроки Демократии-1 занимают места на скамейках ЧК, и в игру вступает команда Русь-1.

Теперь по русской равнине «гоняют мяч» команды Империя-2 (красные футболки) и Русь-1 (белые футболки).

Оценим игровые достоинства команд.

За красных играют интеллигенты с чахлой грудью, за белых – лучшие русские боевые генералы и адмиралы. Чеховы вышли в чисто поле против Наполеонов. Казалось, генералы и адмиралы обречены на победу, ведь не в шахматы на заваulinke игра ведется, а происходит настоящая сабельная руб-

ка, причем под рукой у генералов имеются казаки – лучшая конница мира.

Но что это? Генералов громят, да с такой силой, что кажется, и шансов у них не имелось на успех. Нашим «наполеонам» так наkostenяляли, что пришлось им бежать до самого города Парижа.

Отчего ж такой странный итог?

Известно, у белых не было за спиной Башни, не имелось идеологии. Опирались царские генералы на офицерство и казачество, на этих потерявших хозяина «верных Русланов», которые защищали в основном свои сословные интересы и привилегии. Монархия оплевана, монархистом быть стыдно, а что еще предложить народу? Вульгарную военную диктатуру?

В истории мы это видим сплошь и рядом. «Рыба» власти сгнила с головы, правители разбежались, а десятки тысяч нравственно и физически здоровых людей вынуждены защищать исторически обреченный проект. Новому, красному руководству белая гвардия ни к чему, и умные, честные, энергичные офицеры, увы, гибнут на полях Гражданской, гниют в эмиграции. Классическая трагедия смены элит есть штука беспощадная.

Если прочувствовать слова князя Львова о националистическом характере Белого движения (а ведь еще можно вспомнить и Зинаиду Гиппиус, и ее мысль о том, что белогвардейцы в России были никому не нужны), то можно

сделать окончательный вывод: у Белой России перспектив не было никаких. В XX веке русские националисты не смогли бы найти управу на окраинные и региональные национализмы, а в силу консервативного менталитета не приняли бы вызова технического и научно-технического прогресса. Белую империю разорвали бы националисты окраин, а ее остатки вполне могли растерзать хищные империалистические соседи.

Победа Белого движения наверняка закончилась бы генеральской диктатурой. Могла ли она обернуться русским фашизмом, как в полемическом пылу утверждают некоторые записные либералы? Ну, это вряд ли. Русский всечеловек в общем-то равнодушен к идее национальной исключительности. Для имперского народа это слишком мелкая, узколобая идея. Что-то мы ничего не слышали про английский фашизм.

В реальной вселенной русский национализм Белого движения столкнулся с глобалистским проектом коммунистов и был коммунизмом беспощадно бит. Досталось и другим национализмам (это условие сохранения любой империи), но самый безжалостный удар был нанесен именно по русскому национализму, русскому национальному сознанию и русскому народу. В подвалах ЧК, на фронтах Гражданской войны погибла лучшая часть русской элиты, а ее остатки сгинули в суете эмиграции. А чего стоит рассказывание? Это ведь продолжение все той же политики уничтожения русского са-

мосознания. Ни один народ в мире так жестоко не расправлялся с собственным национализмом. Гражданская война – казнь русского национализма. Впрочем, пострадали и многие другие апологеты национальной исключительности.

В Гражданскую войну страна распалась на самостоятельные регионы – Кубань, Дон, Украину. Государствами их назвать язык не поворачивается, ведь почти все они были германскими марионетками, которые тут же устроили общую грызню. Грузия моментально отхватила Сочи, Дон с Украиной сцепились из-за Таганрога. Кстати, ничего из современности не напоминает?

Большевикам пришлось лепить Вторую империю уже из национальных кусочков. Идеей «единой и неделимой» они не затруднялись, а нашли замечательный выход в принципе федеративности, таким образом блестяще решив национальный вопрос. Республики получили квазисуверенитет, а Москва – единое государство – СССР. Сейчас схожим, но эволюционным путем идет ЕС: из квазисуверенных европейских государств он лепит по-тихому Соединенные Штаты Европы. Может быть, через века аморфный Европейский Союз дорастет до по-настоящему федеративного образования, какого-нибудь СССР – Союза Старого Света Республик.

Вторая империя

Наши империи страдают детской болезнью под названием «Запад нам поможет».

Мы помним, как самозабвенно, трепетно об этом мечтали

наши демократы в конце века двадцатого, но и большевики в начале того же века хорошо потоптались по этим граблям. И те и другие получили «шиш».

Так и не дождались ленинцы мировой революции, зато осознали, в какой степени мы с Западом являемся геополитическими противниками, и принялись обустраивать империю в отдельно взятой стране. Проект российский (имперский) начал подминать под себя проект коммунистический. Детская болезнь западных иллюзий прошла.

Что видит даже демократически настроенный российский политик, когда добирается до власти? Кругом одни враги! Окраинные националисты только и мечтают об отделении, чтобы быть полными хозяйчиками на своих хуторах. Европе подавай наши ресурсы, и подешевле! США исходят демократическим ядом на нашу неизбежную имперскость и всячески наших сепаратистов подкармливают.

Особая цивилизация России не укладывается в западных головах и всех пугает.

Нет, не социализм мы строили в отдельно взятой стране. Посмотрели большевики на имперские обломки и давай вертеть все назад, срочно собирать их по-новой, играть в «Лего-Бастилию». Собираем. Разбираем. Опять собираем.

Этапы привычные. Ленин еще не имперец, он по убеждениям европеец, социал-демократ, вынужденный приспособивать свою политику к имперским задачам. Поэтому ему так чужд Маяковский с его вполне имперским задором и же-

ланием рапортовать. Настоящий имперец – это Сталин, тоталитарная, азиатская система для него – дом родной. С Ленина – Сталина и началась техническая, промышленная модернизация России по западным образцам, то есть большевики взялись за главную имперскую работу, за то, что, собственно, и оправдывает нашу власть.

О большевистской модернизации на Западе существует устойчивое мнение, что она была поверхностна. Заокеанские интеллектуалы считают так: большевики провели поверхностную модернизацию России, поэтому в итоге они и обанкротились. Много благоглупостей публикуют о нас по обе стороны Атлантики, и это одна из них.

На самом деле модернизацию ленинцы провели не поверхностную, а самую что ни на есть глубинную, имперско-российскую, которую и нужно было провести. Университетский западный социолог-политолог как рассуждает? По своим атлантическим шаблонам, все на ярды старается переложить наш аршин. Приближают реформы страну к западным образцам – хорошие реформы, глубинные, правильные. Не приближают? Поверхностны. Так вот, не реформы поверхностны, а сами западные социологи и политологи. Ну не любят они Россию, поэтому и не понимают.

Коммунизм есть электрификация всей страны плюс советская власть! О чем говорит этот ленинский лозунг, это странное определение коммунизма? О том, что красная власть реализовывала план, задуманный вполне в петров-

ском духе. Вспомним еще раз, на каких «китах» стояли реформы Петра Великого.

1. Имперская, крепкая вертикаль власти.
2. Техническая модернизация по западным образцам.
3. Политическое противостояние Западу своей особой цивилизацией.

Ленинский лозунг и есть все «три кита» в одном флаконе. Сама идея коммунизма гарантировала противостояние капиталистическому миру. Есть третий «кит». Электрификация – это «кит» №2. Советская власть есть «кит» первый и главный. В итоге выведена чеканная имперская формула: успешное российское государство = техника Запада + власть Востока.

Впрочем, по первому пункту Ленин лукавил. Не секрет, что советская власть являлась демократической ширмой для власти партии. Так что лукавство здесь мудрое, творческое, отыгрывающее демократические надежды и иллюзии как социал-демократов, так и всей русской интеллигенции, которая весь XIX век свято мечтала о народовластии. Но тему демократической маскировки власти – очень важную для нас тему – обсудим подробно во второй части книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.